

Матвеев Александр Валерьевич

ИДЕОЛОГЕМА "РУССКИЙ" В ДУМСКОЙ РИТОРИКЕ В. М. ПУРИШКЕВИЧА (ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Статья написана в контексте исследования публичной речевой деятельности русских националистов начала XX века. Ее задача - раскрыть содержание идеологемы "русский" в институциональной риторике представителя правомонархического движения начала XX века В. М. Пуришкевича. Работа осуществляется с использованием метода количественного контент-анализа. Определяются семантические поля категории "русский", раскрываются наиболее актуализируемые маркеры русской идентичности - "государственность", "культурные устои", "сложившиеся общественные отношения". В результате исследования делаются выводы об общей речевой стратегии оратора, соответствии общеидеологическим установкам исследуемого периода в понимании русскости, использовании риторики русскости в прагматических целях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 118-122. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.2:808.53

Исторические науки и археология

Статья написана в контексте исследования публичной речевой деятельности русских националистов начала XX века. Ее задача – раскрыть содержание идеологемы «русский» в институциональной риторике представителя правомонархического движения начала XX века В. М. Пуришкевича. Работа осуществляется с использованием метода количественного контент-анализа. Определяются семантические поля категории «русский», раскрываются наиболее актуализируемые маркеры русской идентичности – «государственность», «культурные устои», «сложившиеся общественные отношения». В результате исследования делаются выводы об общей речевой стратегии оратора, соответствии общеидеологическим установкам исследуемого периода в понимании русскости, использовании риторики русскости в прагматических целях.

Ключевые слова и фразы: публичная речевая деятельность; контент-анализ; русская идентичность; этничность; идеологема; Пуришкевич; Государственная дума Российской империи.

Матвеев Александр Валерьевич, к.и.н.

Вологодский государственный университет

matveev.alxndr@gmail.com

**ИДЕОЛОГЕМА «РУССКИЙ» В ДУМСКОЙ РИТОРИКЕ В. М. ПУРИШКЕВИЧА
(ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация,
образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».*

Идеологема – это политический термин с расплывчатым значением, которое меняется в соответствии с политической прагматикой. Идеологема используется как средство манипуляции массовым сознанием. Она всегда эмоционально окрашена, легко запоминается, создает иллюзию понимания у объекта манипуляции.

Большое значение идеологемы имеют в националистической риторике, где обозначают этничность либо выступают в качестве ее символа. Этническая идентичность сама по себе является крайне «подвижным» феноменом. В современных обществоведческих дисциплинах подчеркивается релятивный характер этничности, обусловленный конкретной социокультурной, экономической, политической ситуацией. В. А. Тишков подчеркивает: «*Этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией*» [19, с. 123]. В кризисные периоды этничность может стать как инструментом всеобщей общественной мобилизации, так и причиной сложных социально-политических противоречий.

В эпоху сложных политических, экономических и общественных перемен в России рубежа XIX–XX вв. государство в целях общественной мобилизации и сплочения становится ведущим актором русского этнического дискурса. Инструментами актуализации русскости были система образования, церковная организация, периодическая печать [3]. Активными участниками политической жизни страны являлись представители общественных и партийных организаций правого монархического и националистического характера. В начале XX века русский политический национализм входит в институциональное политическое поле, получает легитимный статус. Площадками деятельности националистов являлись представительные органы власти разного уровня, прежде всего – Государственная дума Российской империи.

Исследование публичной речевой деятельности русских националистов начала XX века помогает выявить истоки явления русского национализма, проследить его динамику, найти связь с современными проявлениями этого феномена. Изучение используемых в устной публичной коммуникации правых политиков метафор, ключевых слов и в целом риторических и идеологических концептов помогает прояснить ряд механизмов формирования русской национальной и этнической идентичности [1].

В контексте исследования интересной становится фигура В. М. Пуришкевича, харизматичного политика, участника и одного из лидеров правомонархического движения, депутата Государственной думы II–IV созывов. «*Политический юридивый*», «*подлый шут*», «*профессиональный скандалист*» и «*политический хулиган*», маргинал в публичной политике своего времени. Тем не менее, политик был популярен в народной среде. Пуришкевич – одна из ключевых фигур русского националистического дискурса начала XX века.

Обратимся к изучению ключевой для русских националистов идеологемы «русский» в публичной риторике Пуришкевича. Анализ семантического значения категории, а также связанных с ней концептов в институциональных и неинституциональных речах политика дает возможность понимания «русскости» / «русской идентичности» в идеологических построениях националистов в исследуемый период.

Решение поставленной задачи требует обращения к методу контент-анализа. Анализируя контекст определенных слов-понятий, можно выявить связанные с ними скрытые установки автора, понять стереотипы его мышления, обнаружить неотрефлексированные автором аспекты содержания текста. В данном исследовании использовалась программа текстовой разметки и анализа CATMA (Computer Aided Textual Markup and Analysis). В основе функциональных инструментов CATMA лежат сложившиеся в мировой научной практике принципы

и правила компьютерного анализа текстов. Программа автоматически формирует список слов текста, подсчитывает частоту употребления каждого слова. Список слов позволяет выбрать ключевые слова и их формы для проведения KWIC (Key Word in Context) анализа, то есть выявления слов в контексте. Важнейшая функция программы – анализ комбинации слов (collocate analysis). Это – подсчет частоты встречаемости слов с ключевыми словами в контексте. К числу достоинств программы относится возможность подсчета коэффициента *Z-score*, который демонстрирует степень закономерности, намеренности (или напротив случайности) комбинации того или иного слова с ключевой категорией. Статистически значимым считается значение *Z-score*, превышающее 2,75; при превышении коэффициента 4,0 на подобного рода связь имеет смысл обращать пристальное внимание [4].

Сохранилось значительное количество текстовых материалов, зафиксировавших публичную речь Пуришкевича. Прежде всего, это стенограммы выступлений политика на заседаниях Государственной думы. Благодаря регулярности появления и большому количеству их тексты удобны для контент-анализа. Для проведения исследования было отобрано 103 выступления, тексты которых содержали этнически маркированную информацию – названия этносов, стран, территорий, связанных с русским или другими народами, упоминания «народа», «нации», «народности», «национальности» и т.д. Решено было не обращаться к выступлениям, появившимся после начала Первой мировой войны, закономерно снисвелировавшей идеологические установки и усилившей этнонациональную и патриотическую риторику всех политиков.

Таким образом, ключевой категорией для контент-анализа стало слово «русский». Всего в отобранных текстах выступлений Пуришкевича содержалось 51335 словоформ и других объектов текста, количество их употреблений достигало 277333. Слово «русский» имело 21 словоформу, которые употреблялись в думских речах политика 1687 раз. Общее семантическое поле категории «русский» содержало 5657 объектов текста (словоформ), количество их употреблений достигало 16870. Из их числа коэффициентом *Z-score* равным 2,75 или превышающим его обладали 2062 словоформы. Для облегчения интерпретации анализа было решено обратить внимание на словоформы с коэффициентом равным или превышающим 4,0. Это 493 словоформы (8,71% от общего количества объектов текста в контексте категории) с количеством употреблений в контексте – 2830 раз (16,7% от общего количества употреблений). В общей совокупности слов-понятий логично выделяются условные группы или отдельные семантические поля категории «русский».

Важно отметить, что в думской риторике Пуришкевича слово «русский» редко применялось в качестве самостоятельного существительного-этнонима. Как правило, категория употреблялась в виде прилагательных в составе словосочетаний, характеризуя какое-либо явление или предмет, и прежде всего, – русскую этническую и национальную общность. Вполне понятно, что на одном из первых мест по количеству употреблений и по степени закономерности сочетаний занимает группа слов-понятий, обозначающая групповую общность – «народ» (понятия группы имеют 201 сочетание в контексте категории «русский»). «Русский народ» – центральная идеологема русских националистов, имеющая расплывчатое значение от обозначения национальной (гражданской) общности и общности, обладающей этническими и антропологическими качествами («*Неужели же русский народ, принадлежащий к славянской расе – женственной, мягкой, гуманной, способен мириться с применением столь сильных мер наказания в обычную пору?*»), до обозначения широких слоев русского общества («*Целью моей поправки было представить в глазах русского общества, в глазах русского народа до чего, до какого абсурда доходит Государственная дума в своем желании захватить в руки русскую школу и парализовать влияние в ней православных священников и верноподданных царских слуг*») [5, стб. 380; 13, стб. 1409].

Этническая составляющая «русского» фиксировалась сочетанием со словом «народность». Именное «народность» используется по отношению к иным этносам, населяющим Российскую империю на правах завоеванных русскими и находящимся как бы на более низшей ступени общественного и политического развития: «*...польская народность, одна из передовых народностей России, одна из наиболее просвещенных, устранилась от решения этого вопроса, потому что не имеет автономии и своего сейма...*», «*Посмотрите, господа, не преследуется ли там сейчас та народность, которая всегда оказывалась верной русской державе, не душатся, не гнетутся ли лучшие на окраине верноподданные русского Царя – мусульмане...*» [5, стб. 1531; 7, стб. 2422]. По отношению к русским термин «народность» часто использовался при актуализации охранительной риторики, когда указывалось на опасность уничтожения исконных русских этнических качеств: «*Учреждения в роде лиги образования, вся деятельность которой направлена к растлению народного духа, должны находиться под самым строгим правительственным надзором <...> ибо мы не можем терпеть того, что делается сейчас, ибо через 10-15 лет у нас будет революция. Неужели мы, посланные сюда народом через эти стены, борясь за русскую народность, борясь за русский идеал, должны сказать Государю своему "Ave, Caesar, morituri te salutant"*» [10, стб. 2424].

Выделяется нейтральная группа понятий «население» (в совокупности до 131 сочетания). Чаще всего «русское общество» – это лишь население России: «*...поднят был вопрос о том, к чему должно стремиться русское общество для того, чтобы поставить дело народного образования и воспитания народного на должную высоту*», «*...тогда было отсутствие политических партий, русское общество делилось на крепостников только и некрепостников...*», «*Правительственная власть не имеет права спать и русское общество должно со своей стороны проявить инициативу для того, чтобы это движение, которое имеет жизнь с 1905 г. по 1914 г., 9 лет, чтобы это движение не разрасталось*», «*Как русское общество было направлено, с каким вниманием следили все слои его за тем переходом великой эскадры, который делал адмирал Рожественский*» [8, стб. 1385, 2630; 11, стб. 1276; 17, стб. 1192].

Еще одно слово-понятие для обозначения совокупности русских – «люди» (45 сочетаний): *«Одумайтесь, господа, долг присяги, голос чести зовет вас к тому, чего мы просим, на чем настаиваем, чего требуем как русские люди», «А между тем и там живут они, повелевают и богатеют за счет тех стран, которыми владеют в данное время, и только мы, русские люди, способные все претерпеть, как история показала, только мы не можем выжить в этой стране, которая рисуется нам как что-то ужасное, что-то холодное, русскому чувству и русскому телу не подходящее, и потому мы требуем оттуда изгнания нашего», «Но это был бы откуп от государства; между тем как мы, русские люди, как показали цифры, приведенные Замысловским, мы, русские люди, очевидно считаем за честь защищать родину и служить в рядах русской армии» [6, стб. 156; 7, стб. 2158]. Отдельный представитель «русских людей» – «русский человек» (55), индивидуальный носитель групповых этнических и гражданских качеств: *«Одни явились сюда движимые оскорбленным чувством русского патриотизма, оскорбленным с момента Цусимы, которую они не забыли и которую русский человек никогда не забудет, пока он останется русским», «Между тем, мы должны считаться с психологией русского человека, ибо профессорами наших университетов является в настоящее время, конечно, русский человек, а русский человек ленив в этом отношении. Он пишет один труд, напишет тахитит два труда и читает лекции из года в год об одном и том же господам студентам» [14, стб. 3812; 18, стб. 1126].**

Русский народ наделялся набором конкретных «свойств, характеристик» (48): «мощный», «лучший», «мирный», «простой», «славный», «благородный», «честный», иногда «ленивый». Но гораздо чаще употреблялись очень расплывчатые по своему значению метафорические характеристики. В риторике Пуришкевича русский народ, как реальный человек, обретал набор духовных черт («русская совесть» (5), «русский дух» (19), «русское чувство» (31), «русский ум» (4), «русское чутье» (2), «русские идеалы» (14), «русская воля» (5), «русские потребности» (6), «русские понятия» (5), «русские интересы» (36)) и физических характеристик («русская кровь» (20), «русское сердце» (15), «русские силы» (15), «русский организм» (2), «русское тело» (2), «русская мощь» (4)). Общая совокупность русских этнических ценностей, черт или устоев обозначалась у оратора целым набором метафорических конструкций: «русские основы» (2), «русские черты» (6), «русская жизнь» (57), «русский строй» (4), «исконные русские...» (4), «вековые русские...» (2), «коренные русские...» (5), «истинно русский» (5). От сохранения характеристик зависели «русское имя» (37), «русская слава» (5), «русское достоинство» (7) и «русский престиж» (10).

Важное место в риторике Пуришкевича имеет ассоциированность русскости с политической жизнью. Группа словоформ «Власть, государство, формы взаимоотношений народа и власти» – одна из ведущих (477 сочетаний в контексте). Наиболее высокой степенью закономерности сочетания в этой группе обладали такие слова-понятия как «государственность», «гражданство», «полиция», «граждане», «служение», «сенат», «избранники», «юстиция», «суд», «власть», «правительство», «цензура», «монархический», «царский», «дипломатия», «царь», «служба», «права», «налоги», «законность», «самодержец», «Дума» и др.

Другие группы семантического пространства «русский» – «земля, территория Российской империи», «религия», «армия, война». Исходя из актуальных вопросов, решаемых Государственной думой, коим и были посвящены выступления Пуришкевича, содержание этих групп достаточно специфично. Например, слова-понятия группы «земля, территория» (61 сочетание) имели мало отношения к территории традиционного расселения русских, а были связаны с иными этносами Российской империи: «Финляндия», «Польша», «окраины», «Кавказ». Рассуждая об окраинных территориях Российской империи, оратор не забывал напомнить об истории их присоединения и особом (но ущемленном) положении на них русского народа как народа-завоевателя: *«В то время когда финляндцы наполняют Россию, служат и получают места, права русских граждан в Финляндии ничем не ограждены, и мы можем видеть картину “Наших изгоняют”, картину Трутнева в “Новом Времени”, картину горькой и обидной действительности, как оттуда вышибают палкой и помелом русского человека, завоевавшего Финляндию», «Я указываю на слабость его (правительства – авт.) на окраинах, я подтверждаю это на основании тех данных, которые привел, и полагаю, что долг русского Правительства твердо и неуклонно проводить идею русской власти, русской силы, русского могущества повсюду и в особенности на тех окраинах, которые нам так дорого стоили и в смысле русской крови, и в смысле того, что мы там потратили» [8, стб. 2422, 2753].*

Немногочисленна группа «религия» (40 словоупотреблений). Она представлена доминантами «православный», «вера», «священник», «храм», имеющими низкую степень закономерности сочетания. Вопреки ожиданиям, конструкция «православный русский народ» очень редко представлена в институциональной риторике политика. Группа «армия, война» («армия», «оружие», «солдат», «завоевана») имеет до 31 словоупотребления с невысоким коэффициентом *Z-score*. Чаще всего понятия группы связаны с современным состоянием русской армии, напоминанием о ее былой силе и мощи, недавними трагическими событиями Русско-японской войны, разлагающим влиянием на армию внешних сил.

Гораздо большей актуальностью обладают категории, относящиеся к условным группам «инородцы, иноверцы» (71), «социальные группы и взаимоотношения между ними» (77), «сферы общественной деятельности, культура, язык, повседневное существование» (144). Актуализация именно этих аспектов логично обусловлена теми вопросами, которым посвящал свои выступления Пуришкевич в Думе.

Действительно, рассуждения политика по вопросам инородческого населения страны, прежде всего поляков, финнов и евреев, а также взаимоотношений между сословиями (чаще всего упоминались крестьяне и интеллигенция) заставляли депутата обращаться к риторике русскости. В особенности же (что демонстрирует контекстный анализ) русскость актуализировалась в ходе рассуждений о проблемах образования и воспитания, литературы, науки и театра.

Перечисленные группы слов-понятий семантического пространства категории «русский» охватывают разнообразные вопросы политической, экономической, социокультурной жизни русского народа как этноса и согражданства. Характер складывающихся в ходе этой деятельности взаимоотношений – неодинаков и также отражается в контексте категории. Положительная или нейтральная «деятельность» русского народа или связанная с ним не является основной (всего 50 сочетаний). Доминирующей становится группа слов-понятий, связанных с негативной деятельностью по отношению к русскому народу или негативными последствиями этой деятельности. Понятия группы имеют до 175 сочетаний с категорией «русский» и обладают очень высокой степенью закономерности этого сочетания.

Негативные действия против русского народа выражаются словами-понятиями «топить», «избивать», «оскорблять», «заплевывать», «ссорить», «захватывать», «унижать», «развращать», «расшатывать», «попирать», «посягать», «смеяться», «дискредитировать», «разлагать», «глумиться»: *«Позволительно спросить, почему же русские люди гонятся и почему же люди, которым ненавистно все русское и которые топят это русское и унижают русское имя, находят себе место на Кавказе»; «Вот, господа, в силу этого одного только соображения я не могу допустить не только возможности отмены смертной казни, но нахожусь, что всякого рода предложения подобного рода, отсюда раздающиеся, – это есть глумление над русской совестью, над совестью русского народа»* [5, стб. 384; 9, стб. 2552].

Состояние русского народа описывается словами «настрадавшийся», «исстрадавшийся», «вымирает», «разлагаться», «терпеть», «развал», «падение», «ущерб», «подвергаться», «гибнуть», «переживать», «оскорбленный», «измельчать»: *«...эта поправка, которая направлена к тому, чтобы революционная волна захватила русскую школу, исстрадавшуюся сейчас нашу русскую государственность, настрадавшийся русский народ, исстрадавшийся благодаря революционной волне, не смытой еще с 1905 г.»*, *«Да, они правы, они добьются конечного результата, если мы будем продолжать встречать улыбкой, насмешкою или осуждением слова тех, кто выступает в защиту народного духа и не считает возможным допустить разложение русского народа путем захвата левыми силами русской народной школы. Что тогда, когда мы утратим русскую народную душу, порвем с традициями прошлого русского народа»* [13, стб. 1404; 16, стб. 1109].

Большое количество перечисленных слов-понятий и высокий коэффициент *Z-score* свидетельствуют о выборе Пуришкевичем в качестве ведущей охранительной речевой стратегии, в основе которой – агрессивная риторика ущемления русского народа и формирования образа внешнего и внутреннего врага. Враги – иные этносы, государства, действующие внутри страны и народа силы и отдельные личности, в том числе члены Государственной думы, как правило, – левые, желающие подорвать государственные, социальные, культурные основы русского народа: *«Там, где открывает русский человек в селе маленькое дело, еврей с двух сторон открывает параллельную торговлю, примеров без счета, и в конце концов сбивает цену до тех пор, пока русский не закроет своего магазина, а он, сделавшись монополистом, закабалит в свои руки население»; «Между тем мы в настоящий момент этого не видим; русское имя является заплеванным, русское имя заплевывается не только инородцами, как мы только что видели – депутатом Чхеидзе, еще раньше Гегечкори, Булатом и целым рядом других ораторов, инородцев, – русское имя заплевывается современными терситами, русскими ренегатами. Такое положение долго длиться не может, ибо если национальное самолюбие оскорбляется и это вызывает бурю негодования, то в силу необходимости это чувство ослабляется, а народ теряет чувство национального достоинства, и результатом сего является его гибель»* [12, стб. 2238; 15, стб. 446].

Подведем итог. Особенностью риторики Пуришкевича является постоянное обращение к этнической тематике. В большинстве решаемых Думой вопросов, по поводу которых выступает депутат, Пуришкевич находит этнонациональный аспект, рассматривает эти вопросы сквозь призму русскости. При этом его рассуждения выливаются в речевую агрессию, в ходе которой оратор произносит обвинения в адрес разнообразных сил, желающих «подорвать» русский народ, а значит и русскую государственность. В контексте риторики Пуришкевича русский народ чаще имеет характер надэтнической общности – нации, находящейся во всей полноте политических, экономических, социальных, культурных взаимоотношений. И русская государственность, а также ряд сложившихся культурных устоев – неотъемлемая черта русскости. При этом русский этнос является ключевым для русского согражданства, в его орбите находятся другие народности Российской империи. Данные положения в целом соответствуют сложившимся к началу XX века научным и идеологическим представлениям о русском народе, хотя в отличие от общеидеологической официальной риторики, оратор достаточно редко обращался к историческому, религиозному, военному, территориальному аспектам русскости. Важной речевой особенностью Пуришкевича является активное использование метафорических конструкций, содержащих категорию «русский», имеющих расплывчатое значение и приобретающих характер самостоятельных идеологем. Несомненно, для полноты исследования требуются дальнейшее изучение этих идеологем, а также обращение к неинституциональной риторике Пуришкевича.

Список литературы

1. Громько С. А. Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П. А. Крушевана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 70-72.
2. Иванов А. А. «Он был лучше своей репутации...». В. М. Пуришкевич глазами современников [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2005/05/28/on_byl_luchshe_svovej_reputacii/ (дата обращения: 22.04.2016).

3. Матвеев А. В. «Русскость» в риторике российской власти конца XIX – начала XX в.: источниковедческие аспекты // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 51-60.
4. Петров А. Н. Компьютерный анализ текста. Историография метода // Круг идей: модели и технологии исторической информатики: труды III конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1996. С. 255-277.
5. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия вторая. Т. 1. Заседания 1-30. 1907 г. СПб., 1907. 2344 стб.
6. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия первая. Ч. 1. Заседания 1-30. 1907-1908 гг. СПб., 1908. 2140 стб.
7. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия первая. Ч. 2. Заседания 31-60. 1908 г. СПб., 1908. 2962 стб.
8. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия первая. Ч. 3. Заседания 61-98. 1908 г. СПб., 1908. 4528 стб.
9. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия вторая. Ч. 1. Заседания 1-35. 1908 г. СПб., 1908. 3152 стб.
10. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия вторая. Ч. 3. Заседания 71-100. 1909 г. СПб., 1909. 2956 стб.
11. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия третья. Ч. 1. Заседания 1-32. 1909 г. СПб., 1910. 3796 стб.
12. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия третья. Ч. 4. Заседания 95-131. 1910 г. СПб., 1910. 3780 стб.
13. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия четвертая. Ч. 1. Заседания 1-38. 1910 г. СПб., 1910-1911. 3368 стб.
14. Стенографические отчеты / Гос. дума. Третий созыв. Сессия пятая. Ч. 4. Заседания 120-153. 1912 г. СПб., 1912. 4336 стб.
15. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 1. Заседания 1-28. 1914 г. СПб., 1914. 2096 стб.
16. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 3. Заседания 53-75. 1914 г. СПб., 1914. 2048 стб.
17. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 4. Заседания 76-97. 1914 г. СПб., 1914. 1932 стб.
18. Стенографические отчеты / Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия вторая. Ч. 5. Заседания 98-111. 1914 г. СПб., 1914. 1396 стб.
19. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 542 с.

IDEOLOGEME “RUSSIAN” IN V. M. PURISHKEVICH’S DUMA RHETORIC (CONTENT ANALYSIS EXPERIENCE)

Matveev Aleksandr Valer'evich, Ph. D. in History
Vologda State University
matveev.alxndr@gmail.com

The article is written in the context of studying the public speaking of the Russian nationalists of the beginning of the XX century. The paper aims to discover the content of the ideologue “Russian” in the institutional rhetoric of a representative of the right-wing monarchic movement of the beginning of the XX century V. M. Purishkevich. The study is executed using the quantitative content-analysis method. The author identifies the semantic fields of the category “Russian”, discovers the most actualized markers of Russian identity – “statehood”, “cultural foundations”, “established social relations”. The researcher concludes on the orator’s general verbal strategy, correlation with current ideological approaches to interpreting Russianness, using the rhetoric of Russianness for pragmatic purposes.

Key words and phrases: public speaking; content analysis; Russian identity; ethnicity; ideologue; Purishkevich; The State Duma of the Russian Empire.

УДК 17.026.4

Философские науки

В статье описывается уникальная этико-психологическая концепция К. Д. Кавелина, которая рассматривается с целью выделения и анализа нравственных идеалов и ценностей. Устанавливается взаимосвязь между ценностями и идеалами; раскрывается этическое содержание нравственных ценностей по Кавелину; определяется значение системы нравственных идеалов и ценностей концепции Кавелина для российского общества, в частности, и в современной ситуации кризиса нравственных ценностей.

Ключевые слова и фразы: этико-психологическая система; нравственный идеал; нравственная ценность; ценности добродетелей; кризис ценностей.

Назарова Юлия Владимировна, д. филос. н., доцент

Вялов Алексей Иванович

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
fox353@yandex.ru

СИСТЕМА НРАВСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ К. Д. КАВЕЛИНА

К. Д. Кавелин известен как один из выдающихся русских мыслителей XIX века, труды которого касались как философии, так и психологии и права. В русской философии право, политика, культура традиционно были связаны с этикой, с проблемой определения нравственных ценностей и идеалов. В этой связи актуальным представляется обращение к отечественной философии XIX века, поскольку она обозначила на долгие годы вперед общее направление представлений о должном, что не может не влиять на дальнейшее нравственное и правовое развитие российского общества, на формирование общезначимых нравственных ценностей.